

Ирина Юрьевна Проскурина – музыковед,
кандидат искусствоведения,
преподаватель ДШИ имени М. А. Балакирева
(Москва, Россия),
iproskurina@mail.ru

Irina Y. Proskurina – musicologist,
Ph.D. in History of Arts, teacher at the
M. A. Balakirev Children's School of Arts
(Moscow, Russia),
iproskurina@mail.ru

УДК 78.071.1

DOI 10.61908/2413-0486.2022.32.4.44-62

А. К. ГЛАЗУНОВ В АНЕКДОТАХ И ШАРЖАХ

A. K. GLAZUNOV IN JOKES AND CARICATURES

Аннотация

Статья посвящена шуточным рецепциям А. К. Глазунова, оставленным современниками в вербальных и визуальных вариантах. В статье собраны юмористические изображения, шуточные ситуации и анекдоты о композиторе, начиная с 1880-х годов и вплоть до 1930-х, как в Петербурге, так и вне России. Приводятся данные из эмигрантских источников, архивных документов и редких изданий.

Abstract

The article is devoted to the comic receptions of A. K. Glazunov, left by contemporaries in verbal and visual versions. The article contains humorous images, comic situations and anecdotes about the composer from the 1880s up to the 1930s, both in St. Petersburg and outside of Russia. Data from the emigrant sources, archival documents and rare editions are provided.

Ключевые слова: А. К. Глазунов, рисунки, Ю. П. Анненков, П. Робер, Н. В. Ремизов, астрономия, дирижёр, анекдот

Keywords: A. K. Glazunov, drawings, Y. P. Annenkov, P. Robert, N. V. Remizov, astronomy, conductor, joke

Забавные случаи из жизни композитора, анекдоты, курьёзные истории, рассказанные его современниками, а также карикатуры и дружеские шаржи – такие подробности, как правило, остаются на обочинах музыковедческого пути. Между тем, они позволяют почувствовать «живого» композитора, направляя наше восприятие в русло «композитор – тоже человек». Пытаться составить представление о Глазунове-человеке на основе его музыки, – время, потраченное впустую, о чём неоднократно высказывались его коллеги-современники и друзья. В случае с Глазуновым отражение личности автора в музыкальных опусах практически отсутствует, в отличие, например, от Чайковского, многие сочинения которого являлись, по крылатому выражению И. Соллертинского, его собственной «звучащей автобиографией». Музыка и её творец-Глазунов – вещи вовсе не идентичные. Близко знавший музыканта музыкальный критик Л. Сабанеев отмечал, что Глазунов в жизни был вовсе не таким, как его музыка. По его словам, композитор слыл эмоциональным человеком с острым и даже нередко едким юмором. «Александр Константинович в жизни был человек едва ли не оргиастический, – вспоминал Сабанеев, – а его музыка, даже когда касается оргиастических сюжетов, трактует их так, как профессор-эллинист какую-нибудь статью о “культе Диониса”. Было даже странно видеть такую редкую неполноту перевоплощения автора в свои произведения (обычно музыка бывает очень похожа на своего автора) и это обстоятельство даже вызывало внимание и любопытство многих его знавших» [9, с. 452–453].

Рассматривая знакомые живописные или фотографические изображения Глазунова, прежде всего, замечаешь сдвинутые брови, серьёзное выражение лица, порой даже насупленный вид. Мне не встретилось ни одной фотографии улыбающегося Глазунова, даже не официальной. Так и хочется сказать: «положение обязывает». Трудно представить, что этот серьёзный, внушительных размеров господин, который почти три десятилетия возглавлял

Петербургскую консерваторию, став, что называется, классиком при жизни, мог быть объектом шутки или курьёза. Между тем, подобные случаи сохранились в истории, поводом для них зачастую служили внешность, характер, манера поведения, музыкальные пристрастия Глазунова. Насколько правдивы и документально достоверны собранные здесь истории о композиторе, сказать сложно. Думается, среди них окажутся домыслы и реальность, слухи и факты. Вполне вероятно, что некоторые из ситуаций приукрашены самими рассказчиками или «затуманены» временем, и их правдивость сомнительна, но очевидно, что они воспроизводят неожиданный портрет композитора, с его слабостями, привычками, увлечениями.

Со слов Н. А. Римского-Корсакова, объектом шаржа Глазунов стал ещё со времён премьеры своей Первой симфонии, которая состоялась 17 марта 1882 года в концерте Бесплатной музыкальной школы. Исполненная под управлением М. А. Балакирева симфония вызвала в музыкальной общественности широкий резонанс. Публика была поражена возрастом автора, который поднялся на сцену в мундире ученика реального училища: композитору-вундеркинду было на тот момент полных 16 лет. Заговорили о выдающихся способностях автора, его уникальном слухе, памяти, о совершенной уже к столь раннему возрасту технике оркестрового письма¹. В вечер концерта в честь Глазунова были сочинены стихи: «Привет тебе, о симфонист прекрасный! Ты кучке человек опасный». Как свидетельствует в «Летописи» Римский-Корсаков, после такой весьма шумной премьеры стали появляться карикатуры с изображением Глазунова в виде грудного ребёнка² [8, с. 276]. Очевидно, публика с трудом верила в появление столь зрелого произведения из-под пера гимназиста, сравнивая происходящее с выдающимся фокусом. На лавровом венке, который был преподнесён Глазунову

¹ «Симфония представляет собой прекрасное, замечательно талантливое произведение с самыми серьёзными музыкальными достоинствами независимо от юного возраста Глазунова», – отмечал критик Ц. А. Кюи. См.: [4, с. 308].

² Упомянутые Римским-Корсаковым карикатуры мною не обнаружены.

хормейстером императорских театров И. А. Помазанским, была сделана следующая надпись: «Александр Глазунову – Герману и Казеневу» – Герман и Казенев были известные в то время в Петербурге профессора магии, дававшие в Петербурге свои представления.

Ил. 1

Любопытен облик композитора, запечатлённый на многочисленных шаржах последующих лет. Так, например, на рисунке М. Ефимова мы видим большую, грузную и как будто малоподвижную фигуру погружённого в себя человека, с опущенной на грудь головой и полузакрытыми глазами³ (ил. 1). Рисунок выполнен, согласно подписи, в 1923 году – Глазунову тогда было 58 лет. Композитор действительно отличался высоким ростом и крупным телосложением. Вот выписка из заграничного паспорта, выданного 1 июня 1928 года в Ленинграде командированному в Австрию Глазунову «Рост высокий, глаза карие,

нос прямой, волосы шатен с проседью, особые приметы – нет»⁴.

По словам современников, Глазунов своей солидной внешностью никак не походил на композитора, а скорее на купца первой гильдии, что, впрочем, было недалеко от истины⁵. Глазунов, как известно, происходил из старинного рода московских и петербургских купцов, развернувших обширную книготорговлю в Москве и Санкт-Петербурге, а позднее и книгоиздательство. Дела фирмы шли настолько плодотворно, что в 1882 году указом императора

³ Рисунок опубликован: Крюков А. А. К. Глазунов. М., 1982; Gojowy D. Alexander Glasunow. Sein Leben in Bildern und Dokumenten. München, 1986. S. 117.

⁴ Возвращённое наследие. Александр Константинович Глазунов: каталог выставки. СПб., 2005. С. 19.

⁵ См.: Седых А. Старость Глазунова // Седых А. Далекие, близкие. М., 1995. С. 182.

Александра III род Глазуновых был возведён в потомственное дворянское достоинство за заслуги на поприще книгоиздательства и торговли.

Некоторые фотографические и шаржированные изображения композитора 1910-х годов заставляют вспомнить легенду о происхождении этого старинного купеческого рода. Согласно легенде, род Глазуновых якобы берёт своё начало от древнего рода татарских ханов Глазунов, которые по велению императрицы Екатерины II стали Глазуновыми и с тех самых пор

А. К. Глазуновъ. (Шаржъ г. Анненкова).

Ил. 2

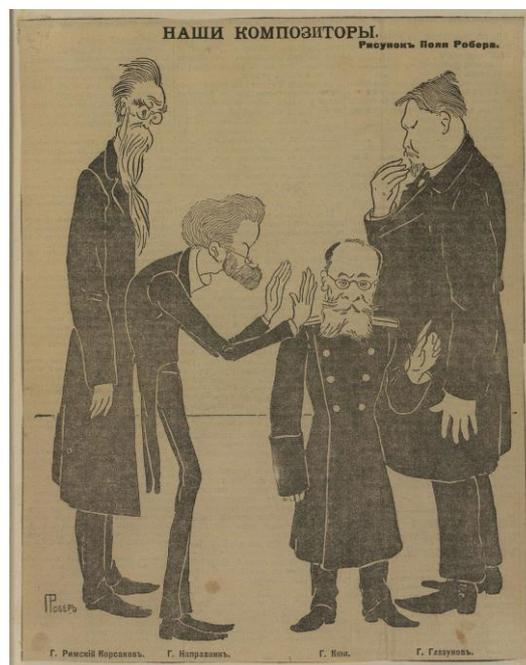
верой и правдой служили России⁶. Документально данное предположение никак не подтверждено. Тем не менее, эта легенда объясняет нам некоторые «восточные» черты облика композитора, запечатлённые довольно утрировано на шарже художника Ю. П. Анненкова: дородный, с длинными опущенными усами, пухлыми щеками, широкими скулами Глазунов вполне подошёл бы на роль хана Кончака в известной опере Бородина (ил. 2). Рисунок Анненкова был помещён в журнале «Театр и искусство» за 1915 год по случаю 50-летия со дня рождения композитора⁷. Известны шаржи с изображением Глазунова и коллег-музыкантов. Автором двух стал швейцарский художник Поль Робер, создавший целый ряд юмористических изображений известных петербуржцев рубежа XIX–XX веков. Он рисовал их по заказу «Петербургской газеты», с которой

⁶ Такая версия мне встретилась в статье журналиста, эмигранта Александра Покровского, посвящённой композитору и его родственникам из рода Белосельских. См.: [6, с. 6–7].

⁷ Театр и искусство. 1915. № 30. С. 550. На обложке этого же номера опубликован графический портрет композитора работы Ю. Анненкова, выполненный карандашом.

сотрудничал как художник-карикатурист на протяжении многих лет⁸. Первый рисунок имеет заголовок: «Наши композиторы»⁹.

Мы видим высокого, худощавого, внимательно разглядывающего сквозь очки Римского-Корсакова, худого, сторбленного, вытянувшего руки в привычном дирижёрском жесте Э. Ф. Направника, низенького, в неизменном военном мундире инженер-генерала Ц. А. Кюи, и высокого, в длинном чёрном сюртуке Глазунова, трогаящего в задумчивости усы и бородку (ил. 3).

Ил. 3

Другой шарж Робера изображает только Глазунова и главного дирижёра Мариинского театра Направника (ил. 4). Этот рисунок по манере исполнения, композиции фигур, графической технике выглядит как вариант предыдущего,

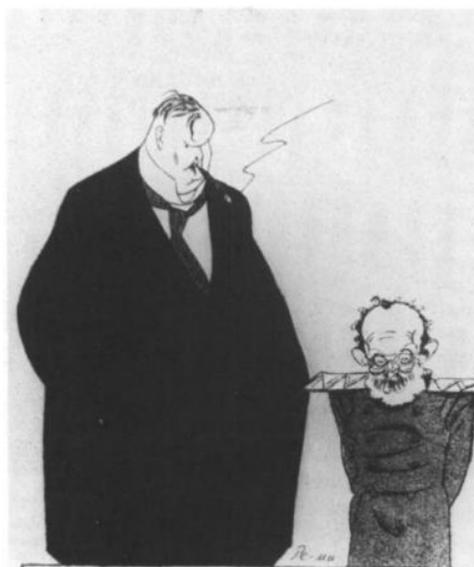
но расставляет дополнительные смысловые акценты: ведь перед нами не просто два прославленных музыканта Петербурга, но и два дирижёра-современника¹⁰. Оба рисунка Робера отличаются лёгкостью пера, наблюдательностью, добротой и чувством юмора. Способы изображения музыкантов имеют несомненное сходство: художочный,

⁸ По альбому
⁹ По альбому
«Петербургские
¹⁰ Р

бург с 1885 по 1918 год, широкую известность получил в «Петербургских карикатурах» (1903).
РФ РНБ. Ф. 796 (И. Ф. Тюменев), оп. 2, № 8. Вырезка из
А. К. Глазунов. М., 1982.

сгорбленный Направник и прямой, высокий в сюртуке Глазунов. Мне встречался и «обрезанный» вариант этого шаржа с изображением только лишь Глазунова.

Примечателен рисунок ведущего художника-карикатуриста журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон» Н. В. Ремизова, работавшего под псевдонимом «Ре-Ми». Здесь изображены ещё более тучный Глазунов, курящий сигару, и Кюи¹¹ (ил. 5). Начальствующая поза, суровый вид и громадные размеры первой фигуры контрастируют с утрированно тщедушным, дряхлеющим обликом второй (Кюи на момент

Ил. 5

создания шаржа было почти 80 лет). Данный рисунок более поздний, по сравнению с шаржами П. Робера: оба композитора выглядят изрядно постаревшими. Думается, шарж был выполнен не позднее 1916 года.

Известно, что Глазунову, обладавшему столь внушительными формами, постоянно приходилось лечиться от полноты: придерживаться диеты и отказываться от алкоголя. Излишний вес вызывал отдышку, ревматизм, подагру, мешал ходить и ездить. Глазунов не любил физических нагрузок. Гимнастика, предписанная докторами, приносила ему мало удовольствия. Известно, как в санатории близ Гундельсхейма на Неккаре, где композитор побывал в июле-августе 1928, доктор посадил его, что называется, «на хлеб и воду», рекомендуя придерживаться овощной диеты, употреблять супы и простоквашу. «Режим в общем суровый, целый день испытываю голод и жажду», – констатировал отдыхающий. – «Настроение невесёлое ввиду

¹¹ Рисунок опубликован: Крюков А. А. К. Глазунов. М., 1982.

перспективы месячного голодания»¹². Из письма Глазунова Ю. Д. Гнезе можно узнать подробности всех медицинских процедур этого санатория: «...в 6 часов утра меня укутывают в мокрую простыню на целый час, затем в 10 ½ часов меня массируют, а в 11 часов через день купают в электрических ваннах. Еда своеобразная, – всё сырые овощи и фрукты. Питьё воды запрещено, – даётся молоко, простокваша и немного белого Мозельвейну. Весу сбавил приблизительно ½ пуда, причём врачи находят, что это мало»¹³. Голодать приходилось не только на лечебных курортах, но и на собственной даче близ Петербурга: «Провожу я лето довольно скучно и однообразно, вначале пил воды “Ессентуки”, от которых чуть-чуть похудел, одышки стало меньше; в настоящее время делаю ещё гимнастику и играю в мяч, что мне приносит, пожалуй, пользу, но мало удовольствия», – с тоской писал Глазунов Римскому-Корсакову¹⁴. Приятель Глазунова, бельгийский музыкальный критик Поль Жильсон в своих мемуарах пишет, что во время визита в Бельгию летом 1897 года композитор поразил бельгийцев талантом в области, непосредственно не связанной с музыкой, – а как любитель выпить. «Глазунов, – делился воспоминаниями Жильсон, – дородный, с пухлыми щеками, весёлый, никак не мог утолить жажды. Он опустошал стакан за стаканом с невероятной скоростью. *Con brio* он смешивал пиво, вино и ликёры. От нашей встречи у меня остался печальный сувенир – ужасное похмелье» [10, с. 173].

Поговорим о другом увлечении композитора. Глазунов чрезвычайно интересовался астрономией и новейшими открытиями в этой области: читал научную литературу, имел карты звёздного неба с указанием времени для наблюдения за созвездиями. В 1906 году любитель музыки и близкий знакомый

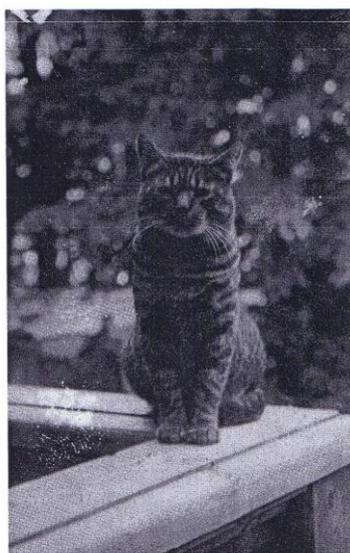
¹² Глазунов Штейнбергу от 24 июля 1928 года. Цит. по: Рыжкова Н. А. Отдаляясь от СССР... Неопубликованные письма А. К. Глазунова М. О. Штейнбергу (1928–1929) // Музыка: задуманное, забытое, возвращённое...: сб. науч. ст. СПб., 2012. С. 92.

¹³ Глазунов Ю. Д. Гнезе от 11 августа 1928. См.: [2, с. 388].

¹⁴ Из письма Глазунова Н. А. Римскому-Корсакову [между 29 июля и 7 августа 1902] из Озерков. См.: [1, с. 195].

Глазунова М. И. Терещенко¹⁵ преподнёс композитору в подарок большую астрономическую трубу. Астрономическими наблюдениями композитор любил заниматься в летние месяцы у себя на даче в Озерках, где и был установлен подаренный телескоп. Дача принадлежала отцу композитора Константину Ильичу Глазунову, после его смерти владелицей дачи стала мать композитора Елена Павловна Глазунова. Дача находилась близ Петербурга по адресу Варваринская улица, д. 2 (ныне Выборгский район Петербурга у станции метро «Озерки»). Сама дача, просторный двухэтажный дом на берегу Верхнего Суздальского озера, сгорела во время войны, до настоящего времени сохранился только садовый флигель – небольшая деревянная постройка в стиле модерн.

Из письма Глазунова к Римскому-Корсакову от 26 июля 1906 года: «Утром пью воду “Ракоци”, днём оркеструю симфонию, вечером же занимаюсь по-любительски астрономией <...> С астрономической трубой познакомился ближе и начинаю уже с большим успехом наводить её на желаемые светила. Рассмотрел Луну, Сатурна с кольцом, имеющего вид нотной головки на первой добавочной, Юпитера со спутниками и много двойных звёзд» [1, с. 235]. Сохранился «астрономический» эпизод из дачной жизни Глазунова, не без юмора описанный Штейнбергом: «Когда гостей не было, А. К. любил наблюдать звезды в большую астрономическую трубу, устанавливавшуюся во дворе его долголетним служителем Михайлой <...> У меня имеется фотоснимок его, занятого астрономическими наблюдениями <...> От Веры Павловны Зилоти я слышал курьёзный рассказ: является Михайло и

юмора описанный Штейнбергом: «Когда гостей не было, А. К. любил наблюдать звезды в большую астрономическую трубу, устанавливавшуюся во дворе его долголетним служителем Михайлой <...> У меня имеется фотоснимок его, занятого астрономическими наблюдениями <...> От Веры Павловны Зилоти я слышал курьёзный рассказ: является Михайло и

– Терещенко (1886–1956) – крупнейший отечественный делец, банкир, в 1917 – министр иностранных дел, затем министр финансов временного правительства России, с 1918 года в эмиграции. Также был известным любителем музыки, меценатом, коллекционером произведений искусства, издателем.

докладывает: “Пожалуйста, Александр Константинович, Ларивон (т. е. созвездие Ориона) взошли-с”» [1, с. 20].

Глазунов был большим поклонником дачной жизни, многие годы проводя в Озерках все летние месяцы. Там же проводил лето его любимец – большой серый кот Мукузан, получивший своё прозвище по названию сухого грузинского вина «Мукузани» (ил. 6). Из воспоминаний Е. П. Никольской, жившей некоторое время в начале 1920-х годов в части ленинградской квартиры Глазунова: «Этот кот был замечателен тем, что у него на шее до самого затылка шли полосы, несколько похожие по форме на лиру... Иногда, идя по коридору, я встречала Александра Константиновича, который шёл, погружённый в полную задумчивость и что-то дирижировал на ходу, а кот по имени Мукузан нёсся за ним следом, цепляясь за полы его длинного халата, и этим вызывал своего хозяина поиграть с ним»¹⁶. В связи с отъездом за границу кота Мукузана, вместе с астрономической трубой, пришлось оставить на родине на попечении семьи Ю. Гнезе. Почти в каждом письме, адресованном Гнезе, Глазунов непременно справлялся и о коте, который, однако, недолго прожил без хозяина. Из письма О. Н. Глазуновой к О. И. и Ю. Д. Гнезе из Парижа (осень 1930): «Письмо Ваше о смерти Мукузанчика получила. Очень жалко нашу Кошатинку, но на свете никто и ни что не вечно. Мы знаем, что Вы хорошо его смотрели и ему у Вас жилось очень не плохо»¹⁷.

Впоследствии Глазунов вспоминал, что лучше всего ему сочинялось именно летом на даче в Озерках, среди почти полного уединения. Нам доступен любопытный документ – письмо Глазунова психологу С. Грузенбергу, в котором он подробно изложил особенности композиторской работы. «Я начинаю работу

¹⁶ Никольская Е. П. Воспоминания о композиторе Александре Константиновиче Глазунове. 20 мая 1960. Автограф. Цит. по: Пуртов Ф. Э. А. К. Глазунов в зеркале писем к Ю. Д. Гнезе // Петербургский музыкальный архив: сб. ст. и материалов. СПб., 1997. Вып. 1. С. 158.

¹⁷ Неопубликованное письмо О. Н. Глазуновой к О. И. и Ю. Д. Гнезе, б. д., б. м. Автограф. ГЦММК. Ф. 48, № 233. Письмо написано осенью 1930 года. Датировано по содержанию, а также по почтовому адресу – Paris VI, 8 rue Duguay-Trouin, где Глазуновы проживали с сентября по декабрь 1930 года.

после 12 часов дня, – описывал Глазунов процесс сочинения, – до этого я намечаю только, сколько я должен был сделать накануне <...> После 12 часов я начинал “думать” и мозг мой постепенно согревался <...> К ночи мне удавалось больше, я заканчивал намеченную часть работы и нередко продолжал её дальше, не желая оторваться. Ложился поздно – около 2-3 часов [ночи]»¹⁸.

Ил. 7

Второй рисунок В. Н. Денисова показывает нам Глазунова-дирижёра в концертном фраке с палочкой в руках, готового выйти к публике и встать за дирижерский пульт²⁰ (ил. 8). Обе фигуры неподвижны, выражение лица показывает крайнюю степень сосредоточенности и погружённости в себя, кисти рук в первом

Ил. 8

¹⁸ Автограф статьи-письма Глазунова хранится в РГАЛИ. «С. Грузенбергу» и «Получено от Глазунова 1 февраля 1924 г. с названием [О творческой работе композитора]. См.: [2, с. 4]. С. Грузенберга было опубликовано под названием «Гений и

¹⁹ В. Н. Денисов. Наши таланты. А. К. Глазунов. Вырезка из журнала «С... и усадьба». 1915 г. ОР РНБ. Ф. 406 (М. М. Курбанов), № 293.

²⁰ В. Н. Денисов. Глазунов. Период создания (1911 г.). Хранится в Государственном центральном театральном музее имени А. А. Бахрушина.

случае спрятаны, во втором – крепко сжаты. Лишь парящие вокруг головы Глазунова нотные знаки выдают стремительное движение композиторской мысли.

Стоит заметить, что дирижёрская деятельность Глазунова – это весьма существенная часть его творческой биографии. Он дебютировал как дирижёр в 1886 году в «Русских симфонических концертах», где был впервые исполнен ряд его сочинений. В 1907 году выступал как дирижёр и композитор в «Исторических русских концертах» в Париже, дирижировал концертами ИРМО в Петербурге, Москве и других городах. В дальнейшем он, автор восьми симфоний и внушительного числа симфонических опусов, не прекращал дирижёрскую деятельность, продолжив её и после отъезда из России. За Глазуновым закрепились репутация дирижёра чересчур спокойного и сосредоточенного, он никогда не форсировал своих дирижёрских жестов, и движения его рук были чрезвычайно сдержанны. Медлительный от природы, несколько неуклюжий и неловкий в движениях, он подчинял оркестр своим колоссальным музыкальным авторитетом, личным обаянием и несравненной музыкальностью.

Существует малоизвестный шарж на Глазунова-дирижёра, отразивший один из эпизодов его эмигрантской жизни – концертное выступление в Лиссабоне вместе с приёмной дочерью Еленой²¹ (ил. 9). Рисунок озаглавлен «Пианистка и

²¹ Репетиции и концерт с симфоническим оркестром Лиссабона состоялись 23–26 января 1929 года. В программе прозвучали сочинения Глазунова: «Из Средних веков», Торжественная увертюра, Второй фортепианный концерт, Четвёртая симфония. Во время гастролей состоялось избрание Глазунова почётным членом Союза португальских музыкантов.

дирижёр» (на португальском языке), автор неизвестен, опубликован в монографии немецкого исследователя Детлефа Гойови²². Мы видим громадных размеров фигуру дирижёра и миниатюрную пианистку с ангельскими крыльями вдохновения за спиной. При жизни Глазунова они часто концертировали вместе. Тогда она выступала под фамилией Е. М. Гаврилова, впоследствии став знаменитой исполнительницей его фортепианных сочинений.

Глазунов вставал за дирижёрский пульт своих собственных сочинений, либо исполняя симфонические опусы близких ему по духу отечественных композиторов, и лишь избранные западноевропейские партитуры. Его высказывания в адрес композиторов, работающих в модных в то время стилях – импрессионизм, экспрессионизм, модернизм, додекафонная техника, всегда были резки и категоричны. Глазунов не понимал, как публика может слушать музыку Р. Штрауса, звуки которой напоминали ему «птичий двор, трещания, неугомонные и до животности курьёзные», творчество Шёнберга, Берга вызывало у него боль в ушах. Он не любил музыку Стравинского, Прокофьева. Дебюсси ему казался скучноват, а, присутствуя на концерте, где исполнялась «Musique de Concert» Хиндемита, сожалел, что не вышел покурить [1, с. 67]. Во время гастрольной поездки в Лондон, которая состоялась летом 1903 года, Глазунов посетил *Royal College of Music*, где ему торжественно присудили докторскую степень. Во время чествований директор попросил Глазунова зайти к нему в кабинет и расписаться в книге знаменитостей. Продолжение этой истории, записанное на страницах «Дневника» С. С. Прокофьева, со временем превратилось в анекдот. Вот, что было дальше:

«Когда эта книга была раскрыта перед Глазуновым, то оказалось, что надо было расписаться как раз под Рихардом Штраусом.

– А, впрочем, если хотите, вы можете подписаться на другой странице, – прибавил директор.

²² См.: Gojowy D. Alexander Glasunow. Sein Leben in Bildern und Dokumenten. München, 1986. S. 136.

– Если позволите, то я предпочёл бы другую страницу, – сказал Глазунов.

Тогда директор, тоже не любивший Штрауса, выглянул в коридор, не идёт ли кто-нибудь, прикрыл дверь кабинета и, вынув из шкапа бутылку мадеры и две рюмки, сказал Глазунову:

– Выпьемте.

После чего оба единомышленника с удовольствием выпили» [7, с. 126].

В подтверждении тому, что история, хоть и приукрашенная Прокофьевым, но правдива, приведём слова самого Глазунова. Из письма Римскому-Корсакову от 1 июля 1903 из Озерков: «В особенности расстроил меня авторский концерт Р. Штрауса в Лондоне, на котором исполнялись отрывки из оперы “Гунтрам” и отвратительное “Heldenleben” [Жизнь героя]. Публика также приветствовала этого ужасного сочинителя, как и образцовые произведения старых, признанных повсюду мастеров. Публику занимает эта бессовестная какофония <...> Мне, например, приходилось часто встречаться с представителями одной из консерваторий (*Royal College*) – директором Парри и проф. Стенфордом; они очень любезно приняли Р. Штрауса, когда тот посетил их учреждение, отвели ему отдельную страницу для автографа, но когда речь заходила о его музыке, то они молчали, и молчали до тех пор, пока я не начал порицать его: тогда оба лондонских маэстро с большим жаром присоединились к моему голосу, и мы отводили душу в глумлении над великим, прославленным современным гением» [1, с. 198].

Анекдотических историй, связанных с музыкальными пристрастиями и эстетическими предпочтениями композитора, рассказанных Прокофьевым, сохранилось немало. Рассказаны они не без сарказма, содержат множество едких, порой весьма обидных, замечаний в адрес Глазунова. Несмотря на то, что Глазунов проявил необычайную заинтересованность в судьбе тринадцатилетнего Прокофьева, лично курировал поступление юного композитора в Петербургскую консерваторию, он, тем не менее, проявлял подчёркнуто отрицательное отношение к его музыке в течение едва ли не всей

жизни. Хорошо известен случай, как в январе 1916 года во время премьеры «Скифской сюиты» Глазунов покинул зал, не признавая композиторскую манеру молодого Прокофьева.

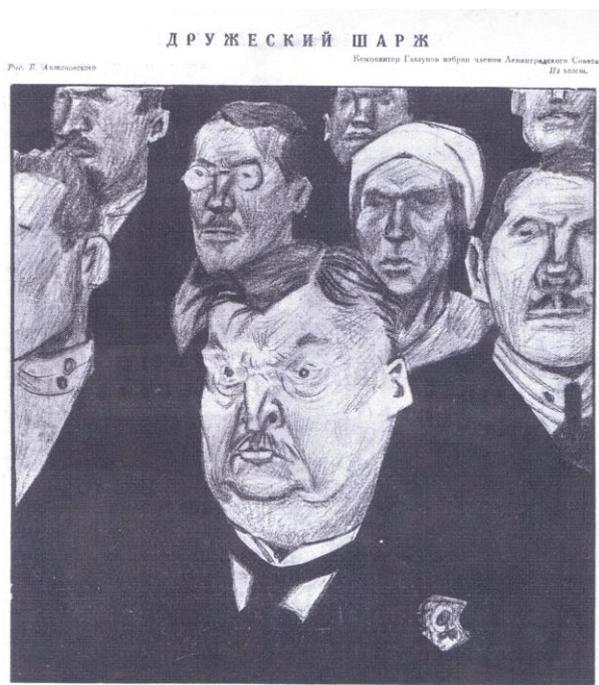
Прокофьев рассказывал, как в феврале 1927 года в Ленинграде ставили его оперу «Любовь к трём апельсинам», и на спектакль приехал нарком просвещения А. В. Луначарский. В антракте в артистическую зашёл Глазунов, все стали пить чай и разговаривать. Луначарский сейчас же спросил Глазунова, как ему нравятся «Апельсины», но Глазунов, промычав что-то невнятное, сунул в ответ Луначарскому пригласительные билеты на Бетховенский концерт. А Дранишников тут же сочинил поговорку, перефразируя другую:

– Понимает, как Глазунов в Апельсинах [7, с. 113].

Упомянутый в рассказе советский государственный деятель – нарком просвещения А. В. Луначарский – сыграл важную роль в жизни Глазунова. В период политических и социальных перемен, происходивших в стране в послереволюционное время, Глазунов не просто сумел остаться на посту директора Петроградской консерватории, сохранить за ней престижный статус и лучшие традиции отечественного музыкального образования, но и наладить отношения с должностными лицами, в ведении которых она находилась. Его заслуги как композитора, самоотверженная работа на посту директора, были отмечены в речи Луначарского по случаю 40-летия творческой деятельности

Глазунова в октябре 1922. Тогда же нарком просвещения присвоил композитору почётное звание Народного артиста Республики [5, с. 488].

Глазунов активно принимал участие в музыкально-общественной жизни страны: выступал как дирижёр на фабриках, в клубах, частях Красной

Армии, курировал музыкальную самодеятельность, а также был избран членом Ленинградского совета. Этому факту его общественной деятельности посвящён дружеский шарж художника Б. И. Антоновского, помещённого в журнале «Смехач» в 1927 году (ил. 10). В правом верхнем углу надпись: «Композитор Глазунов избран членом Ленинградского Совета». Внизу комментарий художника: «Единственный случай, когда Глазунов – не дирижёр, а – рядовой музыкант»²³.

Вот ещё один шарж из газеты 1920-х годов с изображением Глазунова, имеющий сатирическую направленность (ил. 11). После революции в стране был введён налог на предметы роскоши, к числу которых были отнесены и рояли. В связи с этим художник изобразил прославленного музыканта, директора консерватории Глазунова, играющим на гармошке, на которую он «вынужден» заменить рояль. Этот сатирический шарж озаглавлен: «К налогу на рояли», автор не известен²⁴. В правом верхнем углу помещён следующий текст: «Из-за обложения роялей налогом, несомненно, многим, даже состоятельным людям, придётся отказаться от этой “роскоши” (Из газет)». На рисунке трое рабочих выносят из комнаты

Ил. 11

композитора рояль, мебель в комнате практически отсутствует, ноты небрежно брошены на нечто, напоминающее сундуки. Глазунов, сидя на одиноком стуле и залихвацки закинув ногу, играет на гармошке, ввиду отсутствия рояля. Вид у него изрядно исхудавший и недовольный. Внизу помещена реплика Глазунова: «Попробую на гармошке!». Данный рисунок, с одной стороны, как будто бы

²³ См.: Смехач. 1927. № 11. С. 10.

²⁴ Вырезка из газеты хранится в ОР РНБ. Ф. 5 (Н. И. Абрамычев), № 170.

призывает музыкантов перейти с академического рояля на более доступный и понятный народу музыкальный инструмент (и шире – развернуть своё творчество в сторону идеологически правильного курса), с другой – показывает нелепость этой ситуации в сатирическом ключе.

Глазунов никогда не играл на народных инструментах, однако в новых музыкальных реалиях он неоднократно принимал участие в жюри конкурсов самодеятельности. Так, например, в 1926 году редакция ленинградской газеты «Смена» и городской комитет ВЛКСМ организовали конкурс-смотр самодеятельных гармонистов и балалаечников. Председателем жюри этого конкурса был приглашён Глазунов²⁵. Что же касается рояля, то неприятная история с «выносом» инструмента, представленная на газетном рисунке, лично для Глазунова завершилась благополучно. Об этом могут свидетельствовать документы, хранящиеся в Доме-музее Чайковского в Клину. Среди них – письмо в Комиссариат труда от 24 февраля 1918 года с ходатайством освободить «композитора и директора консерватории А. Глазунова» от налога на 3 рояля «как абсолютно необходимые для исполнения им сложных музыкальных обязанностей и работ». А также выданное в ответ на письмо Удостоверение от 27 февраля 1918 года, в котором подтверждается, что рояли Глазунова от налогов освобождаются²⁶.

Несмотря на лояльные отношения с новой властью, в 1928 году Глазунов, командированный в Австрию для участия в жюри международного конкурса имени Шуберта, навсегда покинул СССР. Последние годы он провёл в эмиграции, ставшие, по словам писательницы А. А. Евреиновой²⁷, самым «злостным и нелепым анекдотом» в его жизни. В её мемуарах описана встреча

²⁵ Масляненко Д. А. К. Глазунов и музыкальная самодеятельность 1920-х годов // Глазунов А. Исследования, материалы, публикации, письма: в 2 т. Л., 1960. Т. 2. С. 128–145.

²⁶ См.: Вайдман П. Е. А. К. Глазунов и П. И. Чайковский (по материалам Дома-музея Чайковского в Клину) // Мифы и миры Александра Глазунова: сб. науч. ст. СПб., 2002. С. 104–105.

²⁷ А. А. Евреинова (урожденная Кашина) (1898–1981) – писательница, журналистка, жена Н. Н. Евреинова.

композитора с её мужем драматургом Н. Н. Евреиновым²⁸ в Париже и их последующий разговор:

«Мы выходили с мужем из Французского общества драматических писателей, получив там отличную сумму авторского гонорара. И вдруг во дворе Союза натыкаемся на Александра Константиновича. Муж ему страшно обрадовался, а Александр Константинович обрадовался мужу.

– Зайдёмте на минутку в кафе что-нибудь выпить! – предложил экспансивный Евреинов.

– Выпить всегда хорошо! – солидно и авторитетно поддержал Глазунов.

“Минутка” в монмартрском кафе длилась два часа. Было выпито на много, много франков. Пили сначала за старый Петербург, за консерваторию <...> Потом воспоминания перешли на Петроград и добрались до Ленинграда.

– Николай Николаевич, объясните мне, почему мы с вами здесь? Зачем? Вы – русский деятель театра, я – русский композитор. Зачем мы здесь? В чём дело? – тоскливо приставал к мужу подвыпивший Глазунов.

– А вам разве *туда* хочется, Александр Константинович?

– Ой, что вы, что вы! – испуганно замахал руками Глазунов. – Когда и во сне-то вижу, что *там*, так и просыпаюсь в холодном поту!

– Значит, остаётся сидеть здесь и пережидать...

– Николай Николаевич, да согласитесь всё-таки, что ведь это какой-то злостный, нелепый анекдот, что мы оба не у себя.

– Да, анекдот, действительно скверный, как сказал бы Достоевский²⁹... – согласился хмелеющий Евреинов» [3, с. 4–5].

Литература

1. Глазунов А. Исследования, материалы, публикации, письма: в 2 т. Л., 1960. Т. 2. 572 с.

²⁸ Н. Н. Евреинов (1879–1953) – драматург, теоретик и историк театра, режиссёр. Эмигрировал, проживал в Варшаве, Праге, Париже. Известно, что Евреинов учился в Петербургской консерватории и сдавал экзамен по полифонии у Глазунова.

²⁹ Автор намекает на сатирический рассказ Ф. М. Достоевского «Скверный анекдот» (1862).

2. Глазунов А. К. Письма, статьи, воспоминания. М., 1958. 550 с.
3. Кашина-Евреина А. А. К. Глазунов в анекдотах // Русская мысль. 1958. № 1232.
4. Кюи Ц. Избранные статьи. Л., 1952. 692 с.
5. Луначарский А. К 40-летию деятельности А. К. Глазунова // Луначарский А. В мире музыки. М., 1971. С. 96–103.
6. Покровский А. Дядя и племянница. Из жизни А. К. Глазунова // Иллюстрированная Россия. 1936. № 25 (579).
7. Прокофьев С. Дневник-27. Париж, 1990.
8. Римский-Корсаков Н. Летопись моей музыкальной жизни. М., 2004.
9. Сабанев Л. А. К. Глазунов // Современные записки. 1936. Т. 61.
10. Холен Ж. Александр Глазунов в Бельгии // Мифы и миры Александра Глазунова: сб. науч. ст. СПб., 2002.

References

1. Glazunov A. *Issledovanija, materialy, publikacii, pis'ma: v 2 t.* [Glazunov A. Research, Materials, Publications, Letters: in 2 volumes. Vol. 2]. Leningrad, 1960. 572 p.
2. Glazunov A. K. *Pis'ma, stat'i, vospominanija* [Letters, Articles, Memoirs]. Moscow, 1958. 550 p.
3. Kashina-Evreinova A. A. K. Glazunov v anekdotah [A. K. Glazunov in Jokes]. *Russkaja mysl'* [Russian Thought]. 1958. No. 1232.
4. Kjuj C. *Izbrannye stat'i* [Featured Articles]. Leningrad, 1952. 692 p.
5. Lunacharskij A. K 40-letiju dejatel'nosti A. K. Glazunova [To the 40th Anniversary of A. K. Glazunov]. *Lunacharskij A. V mire muzyki* [Lunacharsky A. In the World of Music]. Moscow, 1971, pp. 96–103.
6. Pokrovskij A. Djadja i plemjannica. Iz zhizni A. K. Glazunova [The Uncle and the Niece. From the Life of A. K. Glazunov]. *Illjustrirovannaja Rossija* [Illustrated Russia]. 1936. No. 25 (579).
7. Prokof'ev S. *Dnevnik-27* [Diary-27]. Parizh, 1990.
8. Rimskij-Korsakov N. *Letopis' moej muzykal'noj zhizni* [The Chronicle of My Musical Life]. Moscow, 2004.
9. Sabaneev L. A. K. Glazunov [A. K. Glazunov]. *Sovremennye zapiski* [Modern Notes]. 1936. Vol. 61.
10. Holen Zh. Aleksandr Glazunov v Bel'gii [Alexander Glazunov in Belgium]. *Mify i miry Aleksandra Glazunova: sb. nauch. st.* [Myths and Worlds of Alexander Glazunov: Collection of Articles]. St. Petersburg, 2002.